

Глава 16: Выяснение правды собирает всех в Усадьбе Бога Богатства, Споры о правде и неправде заливают слезами «Алые губы»

—

После холодных слов и обвинений Линь Лана на лице Чэнь Ни дрогнули разные эмоции — растерянность, обида, гнев, разочарование. Затем он отвел взгляд от Линь Лана и медленно перевел его на лицо Тан Юйшу, словно ища помощи. Но через мгновение отозвал этот печальный взгляд, лицо его покраснело, и, приложив большие усилия, он лишь легко бросил:

— Это правда не я.

У Тан Юйшу внезапно стало горячо в глазах — он, наверное, одного возраста с Цинъян.

Не успел Тан Юйшу заговорить, как тишину во дворе взорвала А-Цы. Та тяжело поставила кувшин с вином на землю, сделала несколько шагов вперед, толкнула Линь Лана за плечо:

— Линь Лан, у тебя нет доказательств, как ты смеешь обливать других грязью?

Линь Лан усмехнулся, глядя на Чэнь Ни:

— Тогда как он объяснит это?

Дядя Ван тоже подошел:

— Линь Лан, успокойся! Нужно найти железные доказательства, чтобы можно было решить.

Линь Лан снова усмехнулся, взгляд его не отпускал Чэнь Ни:

— Если не найдем железных доказательств и не поймаем преступника, кто будет отвечать за мой ресторан?

Тан Юйшу наконец встал, оперся на палку, сделал несколько шагов вперед и похлопал Линь Лана по плечу:

— Не торопись, обязательно найдем.

Тут Линь Лан взорвался:

— Не торопись, как можно не торопиться? Тебе совсем не страшно?

Тан Юйшу хотел возразить, но перед таким вспыльчивым Линь Ланом он на мгновение открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

А-Цы, единственная во дворе, не боявшаяся скверного характера Линь Лана, тоже не обращала внимания на его крик, лишь сказала:

— Если бы он хотел навредить тебе, почему вчера не дал тебе разбиться?

Линь Лан замолчал, лишь отступил на несколько шагов и, словно лишившись всех сил, упал на стул.

Ему очень хотелось плакать, но перед всеми он изо всех сил не хотел проронить ни слезинки.

Тан Юйшу никак не ожидал, что Линь Лан заподозрит Чэнь Ни.

Он внезапно вспомнил того Чэнь Ни, ставшего обнищавшим маленьким попрошайкой, который, украв кошелек Линь Лана, был загнан в переулок и, держа в руках ржавый серп, с решительным видом противостоял ему.

Тан Юйшу помнил одну деталь в той схватке — он быстро бросился вперед, чтобы обезвредить руку противника, державшую серп, а тот уклонился, мгновенно переложил серп в другую руку, перевернул его и ударил деревянной рукоятью по его правому плечу.

Боевой дух ничуть не угас, приемы были продуманы точно, но именно переворот серпа и удар рукоятью показали добрую природу юноши — воровство позорно, но давно умершая мать заставляла его чувствовать, что мир невыносим. Потому он вынужден был воровать, но не хотел причинять вред.

Тан Юйшу чувствовал, что хотя у этого ребенка были дурные поступки, но в сердце он придерживался порядка и тем более не стал бы платить злом за добро.

Линь Лан был таким же человеком: резким и подозрительным, но его приверженность добру и злу тоже была очень верной.

Возможно, из-за происхождения из богатой купеческой семьи и отсутствия опыта в жизненных невзгодах, представления Линь Лана о добре и зле были чрезмерно упрощенными. Тан Юйшу снова вспомнил историю с кражей кошелька Чэнь Ни и слова Линь Лана: «Воровство есть воровство! Один фэнь или целый дом — нет разницы».

Но мир не делится на черное и белое — повидав много народных страданий, Тан Юйшу глубоко это чувствовал.

Небо в Чэньтане сегодня было хмурым.

Ветер, неся с собой песчинки, проносился с севера, пыль клубилась в воздухе, нарушая покой спокойных водных городков Цзяннаня.

В ресторане «Тронуть алые губы» у всех на лицах была горечь.

Дядя Ван прокашлялся, нарушив тишину:

— Все сначала успокойтесь... без доказательств не стоит на основе ощущений указывать на преступника. Уездный магистрат еще не вернулся, подавать заявление нереально. У нас мало времени, лучше спокойно подумать. Пока все разойдемся...

Подумав сначала удалить Чэнь Ни, чтобы избежать нового конфликта с Линь Ланем, дядя Ван позвал его:

— Выйди сначала, поможешь в моей лапшичной, пусть Линь Лан и Юйшу побудут в тишине...
— говоря это, он подмигнул стоявшей во дворе и сердито смотревшей на Линь Лана А-Цы.

Трое повернулись, чтобы уйти; Тан Юйшу тоже, спотыкаясь, сделал несколько шагов вперед, собираясь хлопнуть Линь Лана по плечу и утешить его, как вдруг Линь Лан снова закричал:

— Все стойте!

Трое в растерянности обернулись.

Взгляд Линь Лана скользнул по лицам троих перед ним, в глазах его из-за ненависти была пугающая мрачность.

Давно покинув нежную колыбель в Цзиньлине, он замерзал, голодал, был беспомощным, отчаивался, но все преодолел.

Однажды в полночь ему приснился радостный сон: он стал богом богатства. Седая борода, большой живот, пальцы унизаны золотыми и серебряными кольцами, тело увешано драгоценностями. Он лежал, развалившись на нефритовом ложе, застланном гладким парчовым шелком, держа в руках резную чашу для вина. Рядом служил мальчик, похожий на Шуньэра, с таким же румянами на лице, и тем же детским голосом спрашивал:

— Господин, вы владеете несметными богатствами, помогаете всем страждущим в мире, есть ли у вас что-то, о чем вы сожалеете?

— Раздать тысячи лян — тоже не жалко... жалко только одно место, — бог богатства Линь, важно отхлебнув сладость из чаши, сказал. — Чэньтань в Цзиньлине, «Тронуть алые губы».

Потому даже если это выглядит навязчиво, даже если выглядит уродливо.

— Я знаю, кто это... — Линь Лан потер уставшие глаза и в конце концов не удержался, слезы потекли, потому в голосе, указывающем на виновного, была обида, как у ребенка после пережитой несправедливости.

Линь Лан сказал:

— ...Это А-Цы.

—

<http://bllate.org/book/12583/1247186>